

**ФОРМИРОВАНИЕ СОВЕТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
1920–1930-х гг. В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРАКТИКЕ**

Э.Л. Малиновская

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости 4, 220004, Минск, Республика Беларусь
emma_m76@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются исследовательские подходы современных российских ученых к феномену формирования советской модели интеллигенции. Выявляется оформление направления «интеллигентоведения», создание научно-исследовательских центров изучения интеллигенции.

Ключевые слова: историография, интеллигентоведение, формирование советской интеллигенции.

**FORMATION OF THE SOVIET INTELLIGENCE 1920–1930s. IN
MODERN RUSSIAN RESEARCH PRACTICE.**

E.L. Malinovskaja

Belarusian State University
Independence Avenue 4, 220004, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The article examines the research approaches of modern Russian scientists to the phenomenon of the formation of the Soviet model of the intelligentsia. Revealed the design of the fusion of "intellectual studies", the creation of research centers for the study of the intelligentsia.

Keywords: historiography, intellectual studies, the formation of the Soviet intelligentsia.

В российском исследовательском поле проблема изучения интеллигенции оформилась в научное направление «интеллигентоведение». В 1990–2000-х гг. значительно активизировалось изучение интеллигенции в целом и формирования советской интеллигенции в частности не только в столичных академических центрах (в Москве и Санкт-Петербурге), но и на региональном уровне. Это было вызвано, во-первых, «формированием центров изучения интеллигенции, обусловленным локализацией и регионализацией российской науки в результате кризисных явлений в

обществе» [1, с. 11]. Во-вторых, наличием собранного обширного фактологического материала, необходимостью рефлексии накопленных конкретно-исторических данных, постановкой новых исследовательских задач и теоретических обоснований. В этом отношении начиная с конца 1980-х гг. выделялся Урало-Сибирский регион. На Урале центрами изучения интеллигенции выступали города Екатеринбург (М. Е. Главацкий [2], М. И. Кондрашева, А. О. Никитина, А. Д. Трахтенберг, С. Б. Орлов) и Челябинск (Т. А. Андреева, М. А. Ахлюстина, В. С. Балакин, С. С. Загребин, И. В. Сибиряков, П. Б. Уваров [3]). В Сибири к числу центров изучения интеллигенции отнесены города Новосибирск (В. Л. Соскин [4-7], С. А. Красильников и др.) и Омск (А. В. Гайдамакин, В. Г. Рыженко [8], С. Г. Сизов, Т. А. Сабурова и др.) [9, с. 10–11]. Данный список не является исчерпывающим. Это те исследователи и их работы, которые получили наибольший отклик в научной среде, рассмотрев методы исследования, теоретические аспекты изучения советской интеллигенции, применимые для всего постсоветского пространства.

Методологическая платформа, вектор дальнейшего исследования формирования и деятельности советской интеллигенции в 1920–1930-х гг., по мнению российского историка В. Л. Соскина, должны развиваться в русле социальной истории. Благодаря такому подходу история культуры и история интеллигенции рассматриваются как части единого процесса. По мнению ученого, «основное внимание в исследованиях социальных историков должно направляться на изучение государственной культурной политики, организации культурной жизни, положения и политических позиций интеллигенции. Идеология не находится рядом с культурой, она не просто влияет на нее, она играет в социальной ориентации культуры основную роль» [6, с. 12]. Главным полем внедрения идеологии стала массовая культура, сфера пропаганды и агитации. Принцип военного коммунизма и его методы организации общества постепенно охватывали все сферы. Данный факт позволил говорить, что «военный коммунизм не обошел культуру» [6, с. 71]. Эти тенденции в общественной жизни обуславливали формирование интеллигенции как части этой общественной жизни.

В научных исследованиях В. Л. Соскина были выявлены процесс установления жесткого контроля над работой специалистов, методы привлечения старой интеллигенции и принципы последовательной борьбы с антисоветскими убеждениями [4–7]. Автор исследовал условия проживания ученых и их материальное обеспечение, выявил весьма критическое положение специалистов, обосновал тезис в историографии о том, что советская власть использовала материальную заинтересованность как средство привлечения интеллигенции, как элемент стратегии «длительной и

трудной работы по перестройке мировоззрения этих кадров, их моральное завоевание» [6, с. 32]. В. Л. Соскин предлагал изучать политику партийно-государственного аппарата в области культуры, науки, образования и формирование советского типа интеллигенции как один процесс. Опираясь на анализ политической деятельности большевиков в первое послереволюционное двадцатилетие и его переосмысление, он выстроил историческую концепцию формирования и становления интеллигенции. Согласно концепции автора, необходимо выделить в истории интеллигенции исследуемого периода два этапа: демократический (1917 г. – конец 1920-х гг.); переход от демократии к тоталитаризму (1930-е гг.) [4, с. 27–36].

На создание и укрепление интеллигентоведения активно повлияла деятельность Межвузовского центра Российской Федерации «Политическая культура интеллигенции, ее место и роль в истории Отечества», созданного в центральном регионе в г. Иваново (1992 г.). В 1998 г. на базе центра создан Научно-исследовательский институт интеллигентоведения при Ивановском государственном университете [9, с. 18–19]. Анализ деятельности центров в г. Екатеринбурге под руководством М. Е. Главацкого и г. Иваново под руководством В. С. Меметова осуществил И. В. Сибиряков [10]. Автор дал характеристику особенностей, достижений и проблем в работе каждого из центров, обозначил основной круг авторов и возможности появления новых центров изучения интеллигенции, а также отметил, что основным препятствием для формирования мощной интеллигентоведческой школы были проблемы организационного порядка.

В рамках деятельности данных исследовательских центров активно проводились узкоспециализированные конференции. В частности, «Российская интеллигенция: критика исторического опыта» (г. Екатеринбург, 2001 г.), «Толерантность и власть: судьбы российской интеллигенции» (г. Пермь, 2002 г.), «Культура и интеллигенция России XX века как исследовательская проблема: итоги и перспективы изучения» (г. Екатеринбург, 2003 г.), «Интеллигенция России и Запада в XX–XXI вв.: поиск, выбор и реализация путей общественного развития» (г. Екатеринбург, 2004 г.), «Интеллигенция в процессах преобразования мира: исторические вызовы, социальные проекты и свершения» (г. Иваново, 2007 г.) и др. Анализ результатов изучения интеллигенции, отраженных в научных конференциях, выявил наиболее дискуссионные и репрезентативные вопросы ее формирования.

Ивановский государственный университет стал традиционной площадкой проведения строго тематических конференций. Белорусским исследователем О. А. Яновским был осуществлен анализ международных научных конференций по проблемам интеллигентоведения в 2006–2011 гг.

[11]. Белорусские ученые принимали и принимают активное участие в международных конференциях, в частности проводимых Научно-исследовательским институтом интеллигентоведения Ивановского государственного университета. Так, «если в 2006 г. от Беларуси были представлены семь участников – от Института истории НАН Беларуси, БГУ, Брестского госуниверситета (В. Е. Козляков, Г. В. Корзенко, Н. В. Василевская, С. Л. Луговцова, Н. В. Смехович, И. И. Шевчук, О. А. Яновский), то затем за своими учителями потянулись их аспиранты и магистранты, молодые коллеги. Уже даже по одному этому “ивановскому индикатору” можно говорить о сформировавшейся в Беларуси школе интеллигентоведов. Поэтому естественно, что в рамках выполнения Госпрограммы “История и культура” утверждены и успешно реализуются несколько научных заданий по данной проблематике» [11, с. 380].

В современной российской историографии по проблемам формирования интеллигенции в 1920–30-е гг., в сравнении с белорусским исследовательским полем, выделяются новые концепции интеллигенции: теория маргинальности Д. В. Чарыкова [12], концепция функциональной маргинальности Л. Д. Гудкова и Б. В. Дубина [13], синергетическая теория интеллигенции А. В. Квакина [14-16]. Российский исследователь Д. В. Чарыков отмечал, что большинство концепций, рассматривающих интеллигенцию как маргинальную группу, разработаны не историками, например: Л. Д. Гудков и Б. В. Дубинин – кандидаты философских и филологических наук соответственно. В свою очередь, это констатировало тенденцию междисциплинарного и конвергентного подходов в исследованиях. «И здесь обнаруживается первый вывод, правда, пожалуй, вполне еще историографический – степень проработанности теории в отечественной исторической науке крайне мала. Она остановилась на уровне “наивного рационализма” и позитивизма с его искренней верой, что удел историка – скрупулезное собирание фактов. Факты важны, однако они ничего не значат без правильной интерпретации, без интерпретации вообще. Без понимания механизмов исторического (в том числе научного) смыслообразования они мертвы» [12 с. 265].

Концепция маргинальности заключается прежде всего в понимании маргиналии не как отклонения от социальной нормы, а как структурного элемента функционирования социума. Положение интеллигенции как маргинала, находящегося на стыке различных социальных групп, позволило интеллигенту и в определенной мере обязывало его выполнять функцию рефлексии и воспроизводства мировоззренческих констант общества. Интеллигент «не просто высокообразованный человек, но специфически образованный, культивирующий в себе особую чувствительность к

внутренним коллизиям и ценностным противоречиям» [13, с. 76], призванный выполнить «мысленный или экзистенциальный эксперимент – над собой, над другими, над верованиями и доктринами, идеологическими постулатами или общепринятыми табу» [13, с. 73]. Взаимоотношение власти и интеллигенции, согласно Л. Д. Гудкову и Б. В. Дубину, деформирует интеллигенцию, т. е. она перестает создавать новые идеи и концепции. Исследователь Д. В. Чарыков при этом подчеркивал, что «критика направлена не на маргинальность как таковую, а на искажение ее функциональной роли <...> ...это уже более высокий уровень рефлексии относительно размышлений о маргинальности интеллигенции, мы склонны назвать подобный подход концепцией функциональной маргинальности» [12, с. 263].

В российских исследованиях обратились к изучению интеллигенции с позиции синергетики и теории хаоса как самоорганизующейся субстанции. Это прослеживается в работах А. В. Квакина [14; 15]. В белорусской историографии идеи синергетики развивал В. Н. Сидорцов [17]. В рамках данной теории неравновесность является источником и условием порядка на всех уровнях организации бытия. Понятие хаоса в современной науке уходит своими корнями в глубины истории человеческой мысли о сущности и происхождении бытия. «Как глубинное понятие, образ мировой культуры, мифологии, философии хаос встречается во всех культурах, используется в качестве основания во всех науках. Интуитивно под хаосом понимали исходное состояние мира, давшее начало основным сущностям» [14]. Таким образом, в глобальном смысле основные элементы теории хаоса открывают возможности поиска если не универсального, то, по крайней мере, объединяющего принципа устройства мироздания на всех уровнях. В том числе синергетика позволяет с современной научной точки зрения рассмотреть природу генезиса и эволюции такого сложного явления общественно-социальной жизни как интеллигенция/интеллектуалы [14].

Согласно взглядам А. В. Квакина, активизация научной работы в области интеллигентоведения связана с тем, что в науке перестал быть главенствующим принцип партийности, стали появляться элементы объективности. А. В. Квакин исследовал интеллигенцию с точки зрения гуманизма, прав человека и общечеловеческих ценностей. Автор показал, как в период НЭПа интеллигенция предлагала большевикам эволюционно-демократический путь развития общества и усиление ее влияния и положения в этом обществе на основе принципов гуманизма и упорядочивания и предотвращения хаоса. В связи с этим А. В. Квакин в своей работе «Исследование истории российской интеллигенции: в поисках новых парадигм» выделил три парадигмы: социальную, затрагивающую по

отношению к политике внешние социальные условия; культурологическую, в рамках которой в политической деятельности личность является приоритетным элементом; рационально-критическую, где все части социума являются единым целым и взаимодополняющим элементом [15, с. 11–15]. «Приобретая в людском хаосе друга, человек передает другому свою личность со всеми ее качествами, на которых, как мы видели, сосредоточено основное внимание при описании идеалов, которыми следует руководствоваться на пути к праведности. Качества передаются от человека к человеку, личность формирует личность, лепится идейный аттрактор – так создается и существует наша культура. И здесь особая роль всегда принадлежала интеллигенции, как особому функциональному органу, организующему стихию межличностных отношений» [14].

Подобные центры интеллигентоведения в Республике Беларусь отсутствуют. Научно-исследовательский потенциал в этой области в республике значительный, и подобные центры необходимы в нашей стране. В Республике Беларусь изучение интеллигенции на современном этапе осуществляется в рамках государственных программ научных исследований.

Библиографические ссылки

1. Чарыков, Д. В. Изучение проблем теории интеллигенции в историографии 90-х гг. XX в. – начала XXI в.: на материале Урало-Сибирского региона : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / Д. В. Чарыков ; ГОУ ВПО «Челябинский государственный педагогический университет». – Челябинск, 2009. – 27 с.
2. Главацкий, М. Е. История интеллигенции России как исследовательская проблема. Историографические этюды / М. Е. Главацкий. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2003. – 160 с.
3. Уваров, П. Б. Дети Хаоса: исторический феномен интеллигенции / П. Б. Уваров. – М. : АИРО-XX, 2005. – 200 с.
4. Соскин, В. Л. К оценке исторического опыта формирования советской интеллигенции / В. Л. Соскин // Интеллигенция в советском обществе: Межвуз. сб. науч. тр. / Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, Кемеров. гос. ун-т.; отв. ред. Г. Г. Халиулин. – Кемерово : КГУ, 1993. – С. 27–36.
5. Соскин, В. Л. О новых концептуальных подходах к изучению истории советской интеллигенции / В. Л. Соскин // Поиск новых подходов в изучении интеллигенции: проблемы теории, методологии, источниковедения и историографии : тез. докл. межгос. науч.-теорет. конф., Иваново, 13–15 сент. 1993 г. ; отв. ред. В. С. Меметов. – Иваново : Изд-во ИвГУ, 1993. – С. 17–20.
6. Соскин, В. Л. Российская советская культура (1917–1927 гг.): очерки социальной истории / В. Л. Соскин. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2004. – 452 с.

7. Соскин, В. Л. Современная историография советской интеллигенции / В. Л. Соскин. – Новосибирск : Новосибирский государственный университет, 1996. – 82 с.
8. Рыженко, В. Г. Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920-е гг.: вопросы теории, истории, историографии, методов исследования / В. Г. Рыженко. – Омск : Омск. ун-т, 2003. – 370 с.
9. Раскатова, Е. М. За эти годы сложилось несколько поколений интеллигентоведов / Е. М. Раскатова, В. С. Меметов // Интеллигенция и мир. – 2014. – № 1. – С. 9–30.
10. Сибиряков, И. В. Региональные школы интеллигентоведения / И. В. Сибиряков // XVI Уральские Бирюковские чтения. Интеллигенция в истории России и российских регионов / ред.-сост. Ю. М. Александрович. – Челябинск : Абрис, 2005. – С. 43–49.
11. Яновский, О. А. Международные научные конференции по проблемам интеллигентоведения (Иваново, 2006–2011 гг.) / О. А. Яновский // Российские и славянские исследования : науч. сб. / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. – Минск : БГУ, 2011. – Вып. 6. – С. 379–381.
12. Чарыков, Д. В. Интеллигенция как маргинальная группа (пример использования историографических изысканий для исторических выводов) [Электронный ресурс] / Д. В. Чарыков // Традиционные общества: неизвестное прошлое : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф., 25–26 апр. 2011 г. / редкол.: Д. В. Чарыков (гл. ред.), О. Д. Бугас, И. А. Толчев. – Челябинск : Цицеро, 2011. – 270 с. – Режим доступа. <http://scibook.com/osnovyi-sotsiologii/intelligentsiya-kak-marginalnaya-gruppa-primer-65307.html>. – Дата доступа: 18.16.2016.
13. Гудков, Л. Д. Интеллигенция: заметки о литературно-политических иллюзиях / Л. Д. Гудков, Б. В. Дубин. – М. : Эпицентр ; Харьков: Фолио, 1995. – 192 с.
14. Квакин, А. В. Изучение истории интеллигенции и синергетика [Электронный ресурс] / А. В. Квакин. – Режим доступа: <http://akvakin.narod.ru/Documents/sinergetika.pdf>. – Дата доступа: 12.03.2010.
15. Квакин, А. В. Исследование истории российской интеллигенции: в поисках новых парадигм / А. В. Квакин // Поиск новых подходов в изучении интеллигенции: проблемы теории, методологии, источниковедения и историографии : тез. докл. межгос. науч.-теорет. конф., Иваново, 13–15 сент. 1993 г. / отв. ред. В. С. Меметов. – Иваново : ИвГУ, 1993. – С. 11–15.
16. Квакин, А. В. Современные подходы к изучению истории интеллигенции России [Электронный ресурс] / А. В. Квакин. – Режим доступа: <http://www.kvakin.ru/Documents/podhod.pdf>. – Дата доступа: 12.03.2010.
17. Сидорцов, В. Н. Методологизация исторического мышления // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны : навук. зб. / рэдкал.: С. М. Ходзін [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2011. – Вып. 6. – С. 56–67.